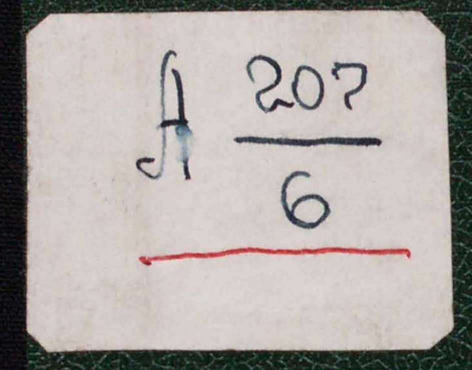

A 207
6

Иллюстрированный Альбомъ

къ роману Евгеній Онѣгинъ

А. С. Пушкина.

27 мая 1822 Кишиневъ

Пушкинъ

Изданіе

В. Г. Готье.

С. Константиновъ 92.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬБОМЪ

КЪ РОМАНУ

„ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“

А. С. ПУШКИНА

48 НЕИЗДАННЫХЪ РИСУНКОВЪ

АКАДЕМИКА

Павла Петровича Соколова

1855—1860

Фототипіи К. А. Фишеръ

МОСКВА. 1892

Изданіе В. Г. Готье

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

В. Г. Готье

Мы давно намѣревались выпустить въ свѣтъ иллюстрированное изданіе романа *Евгеній Онѣгинъ* и до сихъ поръ не могли осуществить этого желанія нашего вслѣдствіе большой трудности, граничащей съ невозможностью, найти художника, который могъ бы дать намъ иллюстраціи, достойныя чуднаго произведенія великаго поэта. Въ Россіи и въ чужихъ краяхъ есть, несомнѣнно, очень талантливые художники и превосходные иллюстраторы, которымъ можно бы было довѣрить такое дѣло съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что съ внѣшней стороны оно будетъ исполнено безукоризненно. Но этого, по нашему мнѣнію, было бы недостаточно для воспроизведенія въ рисункахъ типовъ и образовъ, созданныхъ геніемъ Пушкина. Это типы чисто русскіе, и олицетворены они въ герояхъ и героиняхъ, принадлежащихъ давно прошедшему времени и извѣстному обществу со всѣми его особенностями, нынѣ исчезнувшими, стертыми общимъ культурнымъ ростомъ и громадными преобразованіями, пережитыми Россіей съ половины пятидесятыхъ годовъ. До этой эпохи всеобщаго обновленія жизнь всѣхъ слоевъ русскаго народа успѣла прочно сложиться въ опредѣленныя формы и замерла въ нихъ болѣе, чѣмъ на полстолѣтіе, какъ бы убаюканная вѣрой въ незыблемость существующаго порядка вещей. Измѣнялись моды, костюмы, прически, обстановка, весьма медленно, впрочемъ; въ самомъ же существѣ своемъ жизнь текла тихо и мирно, такъ же точно, какъ то было при отцахъ и дѣдахъ, въ неширокомъ руслѣ тѣхъ же привычекъ, понятій и вѣрованій. Набѣгали на нее отъ времени до времени нѣкоторыя иноземныя вѣянія мысли, но они лишь слегка касались поверхности, измѣняли чуть-чуть внѣшность, не проникая вглубь сознанія и не затрогивая крѣпко установившагося, узкаго круга идей. Все въ этой спокойной жизни было своеобразно, опредѣлено и размѣрено. Подъ ея вліяніемъ складывались характеры и вырабатывались типы, яркіе образы которыхъ увѣковѣчилъ Пушкинъ. При этомъ въ романѣ *Евгеній Онѣгинъ* онъ оставилъ потомству широкую, вѣрную и неподражаемо мастерскую картину не одного какого-либо круга общества, а всей русской жизни своего времени сверху до низу, отъ великосвѣтскихъ салоновъ до скромной дѣтской въ домѣ помѣщика средней руки, отъ блестящихъ столичныхъ баловъ и спектаклей до незатѣйливой деревенской вечеринки, отъ шумной суеты петербургской улицы до унылаго затишья крѣпостной деревни... Въ томъ, между прочимъ, заключается великое значеніе романа *Евгеній Онѣгинъ*, что, — сколько бы не прошло вѣковъ, какъ бы не изгладилось изъ памяти потомковъ представленіе о давно минувшемъ бытѣ предковъ,—одной этой книги достаточно для полнаго и вѣрнаго возстановленія цѣлой эпохи изъ жизни барско-крѣпостной Россіи. Этимъ и обусловливается, главнѣйшимъ образомъ, большая трудность въ наше время пріискать такого иллюстратора *Евгенія Онѣгина,* который могъ бы въ рисункахъ, соотвѣтствующихъ былой дѣйствительности, изобразить все то, что такъ намъ дорого въ романѣ Пушкина, по-истинѣ, народнаго поэта.

Сдѣлать это, удовлетворить, хотя бы до извѣстной только степени, тѣ требованія, которыя мы считали себя обязанными предъявить иллюстраторамъ, могъ только русскій художникъ, хорошо знакомый съ бытомъ того времени и съ типическими его представителями. Какъ бы ни былъ талантливъ, даже геніаленъ художникъ, онъ не въ силахъ этого выдумать и сочинить. Для того, чтобы произведенія его были не только изящны и прекрасны, но и вѣрны исторически, необходимо, чтобы онъ жилъ самъ въ то время, или въ ближайшіе къ той эпохѣ годы, чтобы онъ воочію видѣлъ тогдашнюю жизнь и типы, сложившіеся подъ ея вліяніемъ, а нынѣ уже совершенно исчезнувшіе. Такого художника мы не находили и уже готовы были отказаться отъ завѣтной нашей мысли.

Исключительно счастливый случай помогъ намъ открыть въ библіотекѣ одной дамы, принадлежащей къ высшему московскому обществу, цѣлый альбомъ, воспроизводящій рукописно текстъ *Евгенія Онѣгина* съ

такими, именно, художественными рисунками, о какихъ мы только мечтали, уже теряя надежду когда-либо имѣть ихъ въ рукахъ. Благодаря просвѣщенному сочувствію собственницы альбома къ нашему предпріятію, мы получили возможность его воспроизвести въ точныхъ снимкахъ фототипіей. Но въ альбомѣ не доставало заглавнаго листа и четырехъ рисунковъ, кѣмъ-то вырѣзанныхъ изъ него. Имя художника оставалось неизвѣстнымъ, что̀ и явилось естественною задержкой къ опубликованію художественнаго произведенія безъ согласія автора. Но и на этотъ разъ наши поиски оказались успѣшными, и намъ удалось найти, и уже въ другихъ рукахъ, заглавный листъ, изъ котораго видно, что альбомъ рисованъ извѣстнымъ нашимъ академикомъ Павломъ Петровичемъ Соколовымъ. Мы вступили съ нимъ немедленно въ переговоры и получили отъ него право на изданіе настоящаго альбома, который мы издаемъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ нами найденъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ глубокоуважаемый художникъ передалъ намъ исторію альбома, настолько любопытную, на нашъ взглядъ, что мы сочли умѣстнымъ передать ее здѣсь въ выдержкахъ изъ письма П. П. Соколова. Г. Анненковъ, издатель полнаго собранія сочиненій Пушкина, предполагалъ выпустить въ свѣтъ нѣкоторыя изъ болѣе крупныхъ его произведеній съ иллюстраціями, но потомъ отказался отъ этого намѣренія. «Тогда», — пишетъ авторъ альбома, — «я рѣшился иллюстрировать Онѣгина на свой страхъ и постепенно такъ увлекся этою работой, что къ концу года... изъ рисунковъ составился цѣлый альбомъ». Трудная задача оказалась выполненною настолько удачно, что это «произвело сенсацію въ тогдашней Москвѣ и, въ особенности, въ кружкѣ А. С. Хомякова, гдѣ автора прозвали творцомъ Татьяны»... А извѣстный нашъ ректоръ Академіи художествъ, баронъ П. К. Клодтъ, предложилъ даже свои средства на изданіе *Евгенія Онѣгина* съ этими иллюстраціями. Изданіе это, однако же, не состоялось, главнымъ образомъ, за неимѣніемъ хорошихъ граверовъ. Отъѣзжая надолго изъ Москвы, П. П. Соколовъ оставилъ свой альбомъ у одного добраго знакомаго, котораго посѣщали многіе знаменитые артисты, музыканты, поэты и живописцы; у него бывали Глинка, Тургеневъ, Шевыревъ, Гоголь... Въ отсутствіе г. Соколова, его знакомый скоропостижно умеръ. «И не нашлось добраго человѣка, который извѣстилъ бы меня о его смерти», — разсказываетъ авторъ альбома. — Когда я возвратился въ Москву, то не засталъ уже и слѣдовъ его существованія. Имущество его было все распродано съ публичнаго торга, и, какъ я не бился, я не могъ узнать, какая постигла участь оставленный у него мой альбомъ». Впослѣдствіи П. П. Соколовъ слышалъ отъ Мих. Ник. Лонгинова, что альбомъ проданъ одновременно съ другими вещами и увезенъ кѣмъ-то за-границу. Затѣмъ всякій слѣдъ его исчезъ, и лишь рядъ случайностей помогъ намъ розыскать его и узнать имя автора.

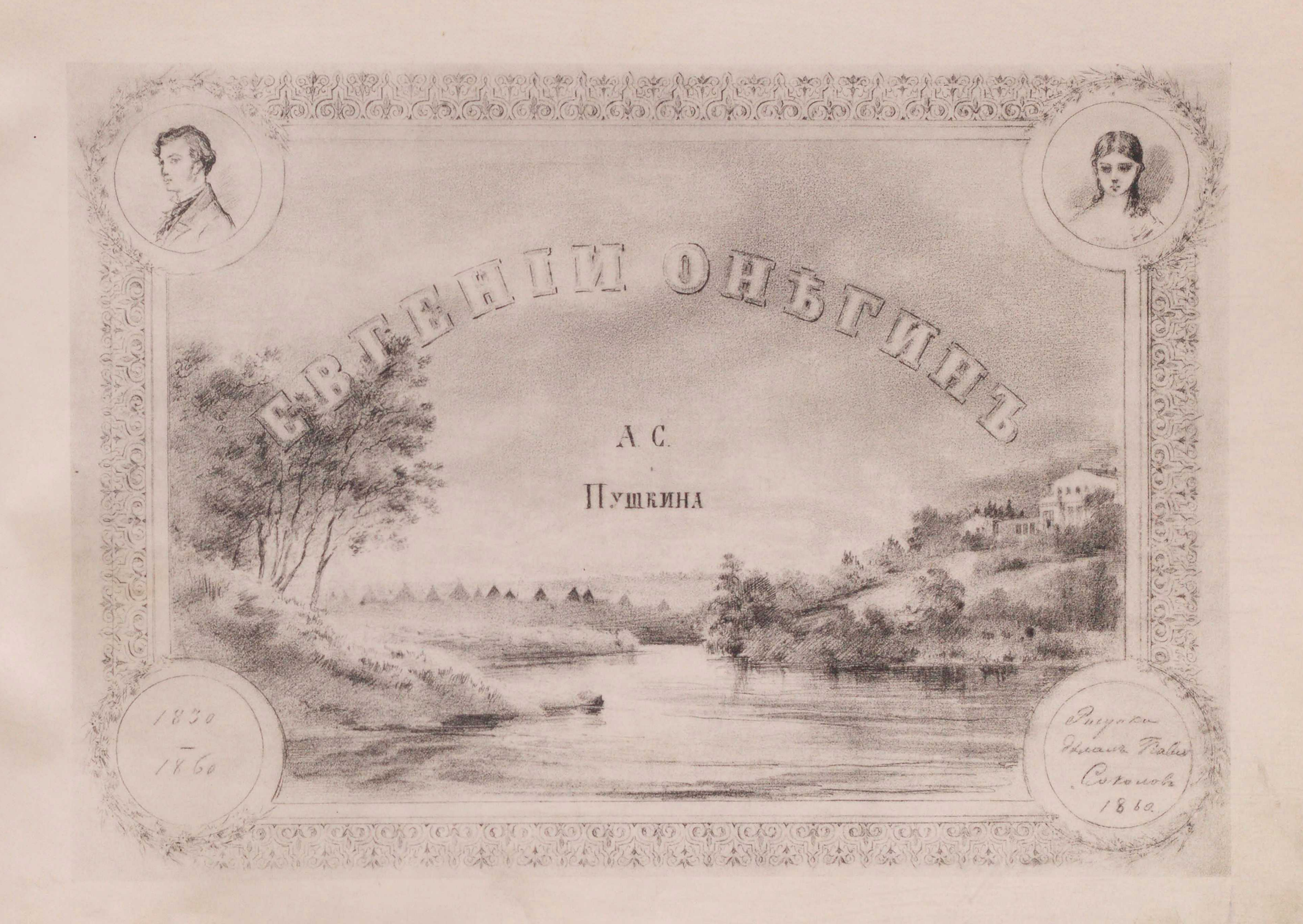
Такимъ образомъ выяснилось, что альбомъ нарисованъ въ 1855—60 гг. пользовавшимся уже тогда большою извѣстностью художникомъ, и что альбомъ этотъ видѣли, одобряли и восхищались имъ многіе современники Пушкина и люди близкіе столь рано погибшему поэту. Помимо художественныхъ достоинствъ самого произведенія академика Соколова, это обстоятельство служитъ ручательствомъ въ томъ, что воспроизводимые нами рисунки вѣрны дѣйствительности или, по меньшей мѣрѣ, очень близки къ ней и передаютъ типы такими, какими они представлялись людямъ того времени. Ничего бо́льшаго, полагаемъ мы, нельзя требовать отъ иллюстрацій, появляющихся въ свѣтъ черезъ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ напечатанія въ первый разъ иллюстрируемаго теперь романа.

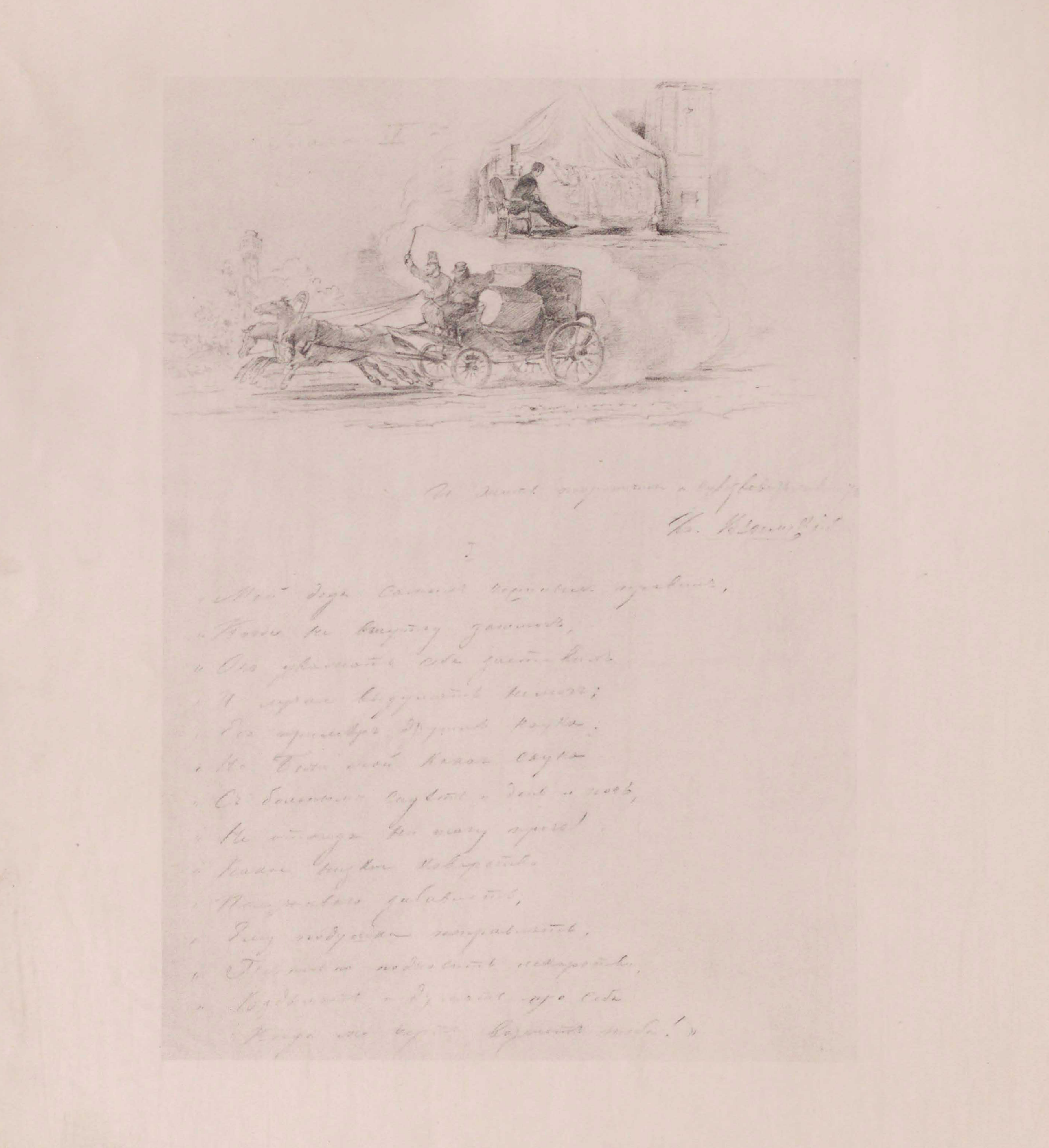
Намъ остается принести глубокую благодарность нашу уважаемой собственницѣ альбома, благожелательно предоставившей намъ возможность дать русской публикѣ такія иллюстраціи къ *Евгенію Онѣгину*, которыя, какъ мы надѣемся, будутъ по достоинству оцѣнены знатоками и любителями искусства, чтущими память великаго русскаго поэта.

Дозволено цензурой. Москва, 18 іюня 1892 года.

Типографія А. И. Мамонтова и К°, въ Москвѣ.

1799
1892

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ
А. С.
Пушкина
1830
—
1860
Рисунки
делалъ Павел
Соколовъ
1860.

И жить торопится и чувствовать спѣшитъ.

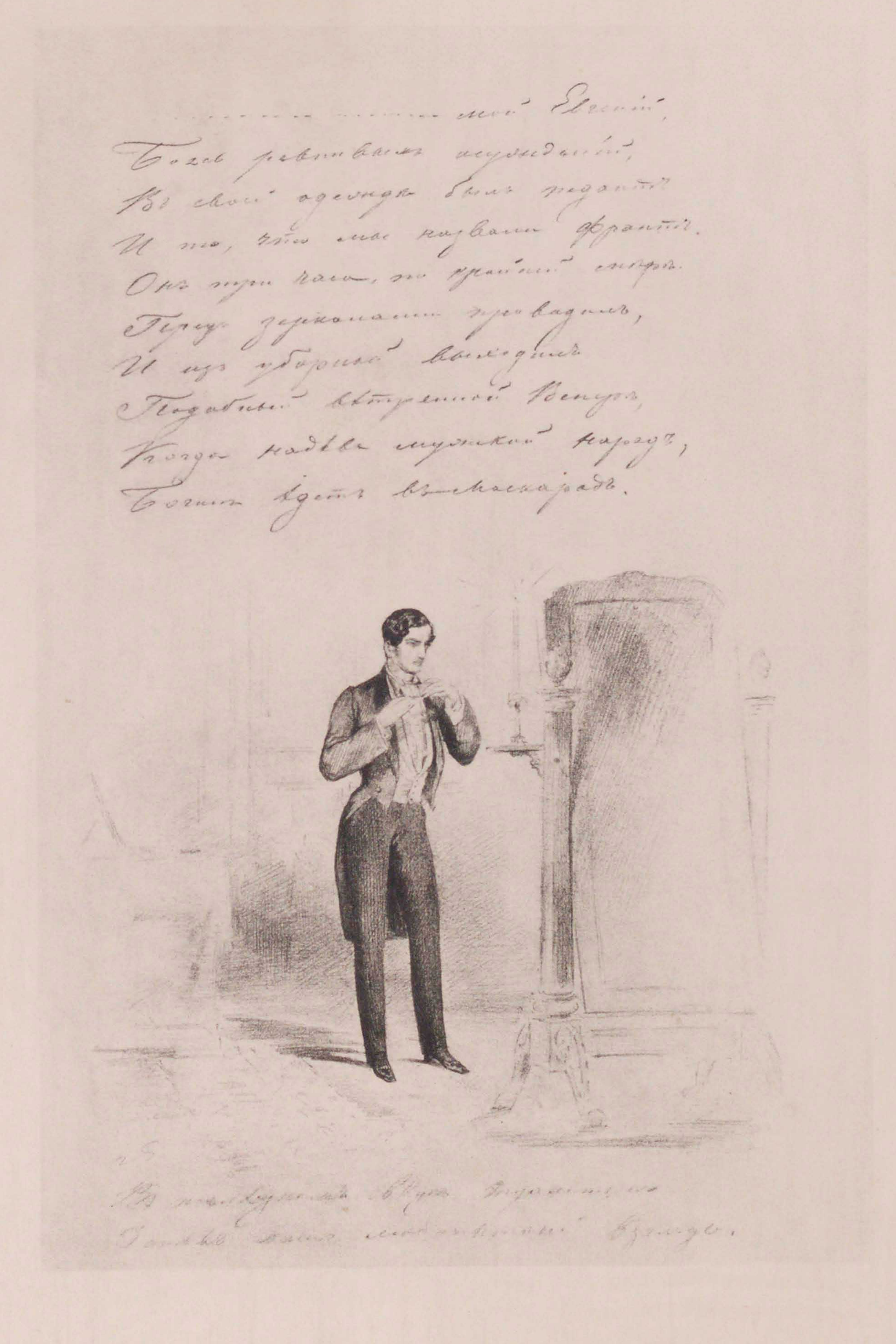
Кн. Вяземскій.

I

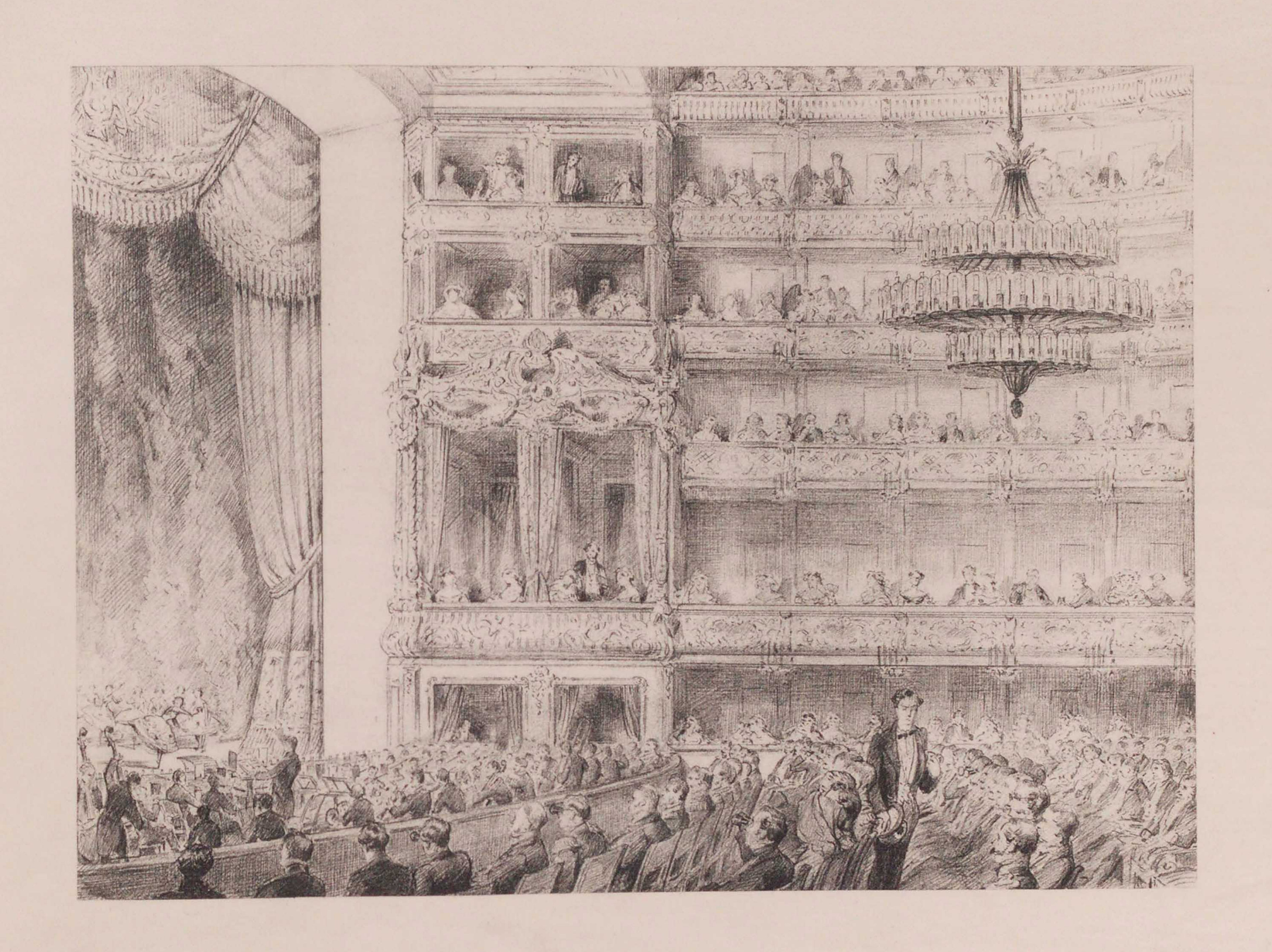
«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ
И лучше выдумать не могъ;
Его примѣръ другимъ наука;
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживаго забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя!»

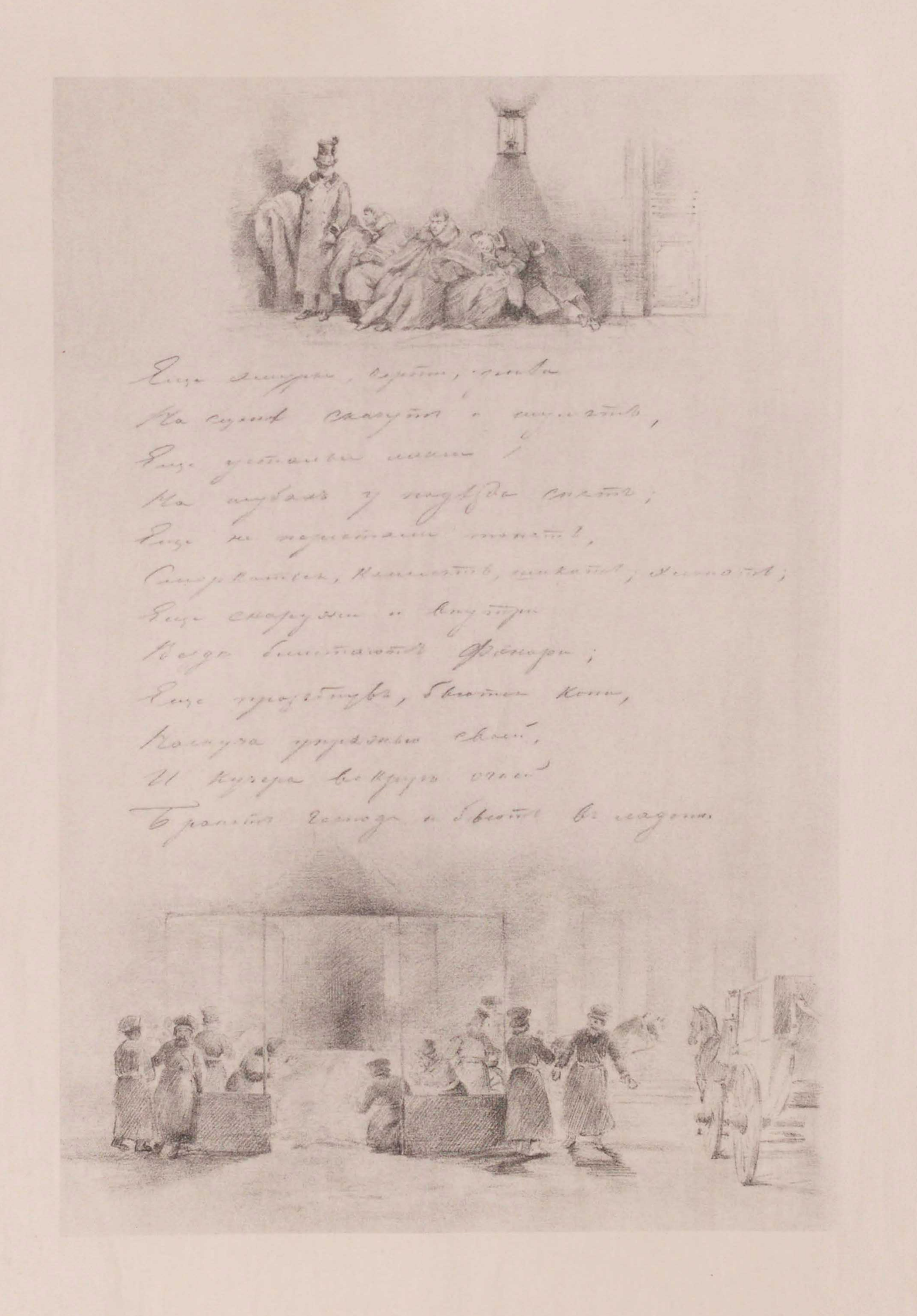
Ихъ рать межъ тѣмъ еще тревожитъ
Среди покойныхъ размышленій!
Подьячихъ хотѣлось уничтожить
Ему сотрудниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его помощникъ Сурутъ лукавый,
Фабліацъ давній устарѣлъ,
И недоварчивый Сторожевъ,
И рогоносецъ величавый
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой!

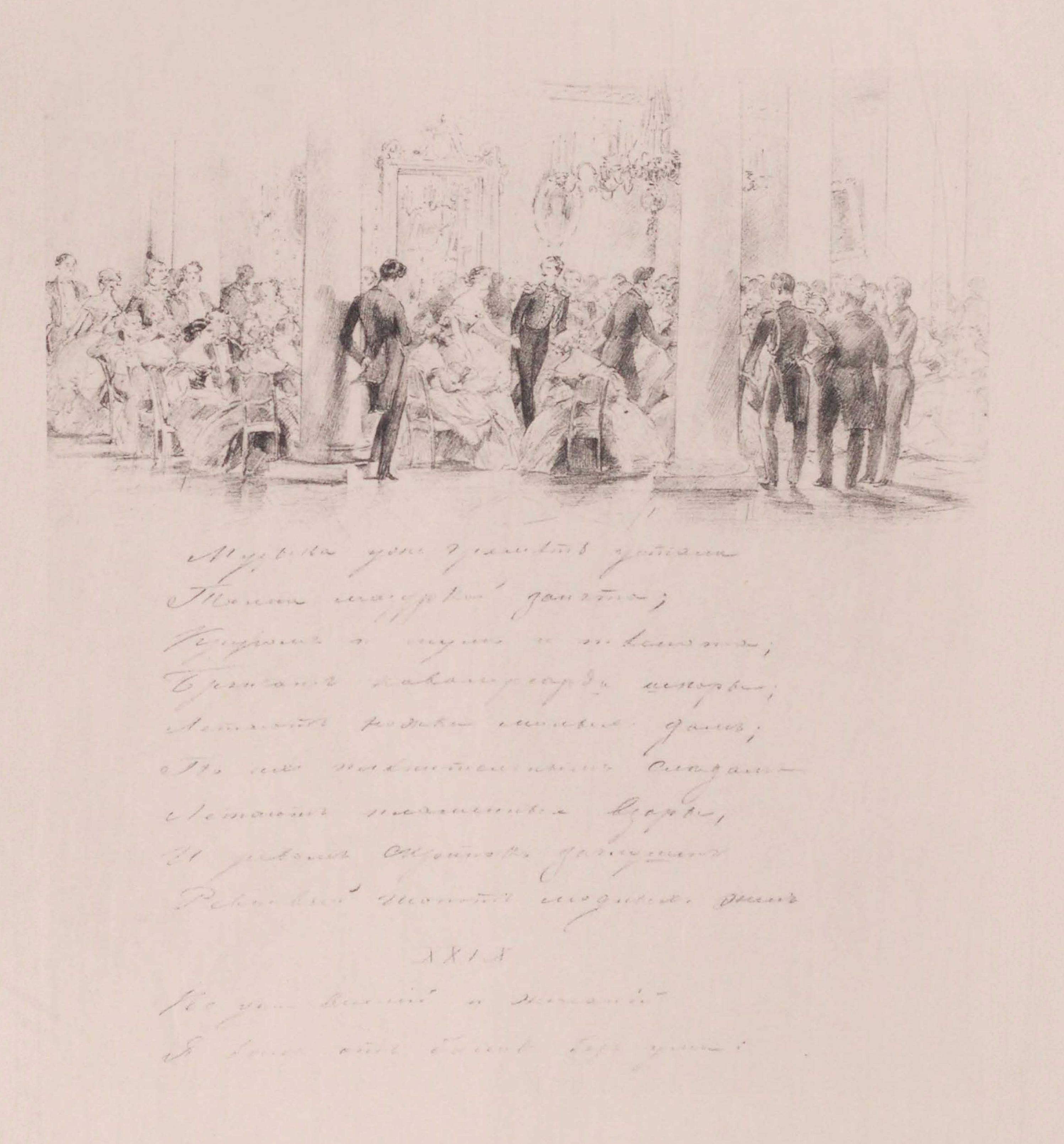

.... мой Евгеній,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтомъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтреной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.
Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,

Ещё амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят,
Ещё усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Ещё не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Ещё снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Ещё прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокруг огней
Бранят господ и бьют в ладони.

Музыка ужъ греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ и теснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ пленительнымъ следамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрыпокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX

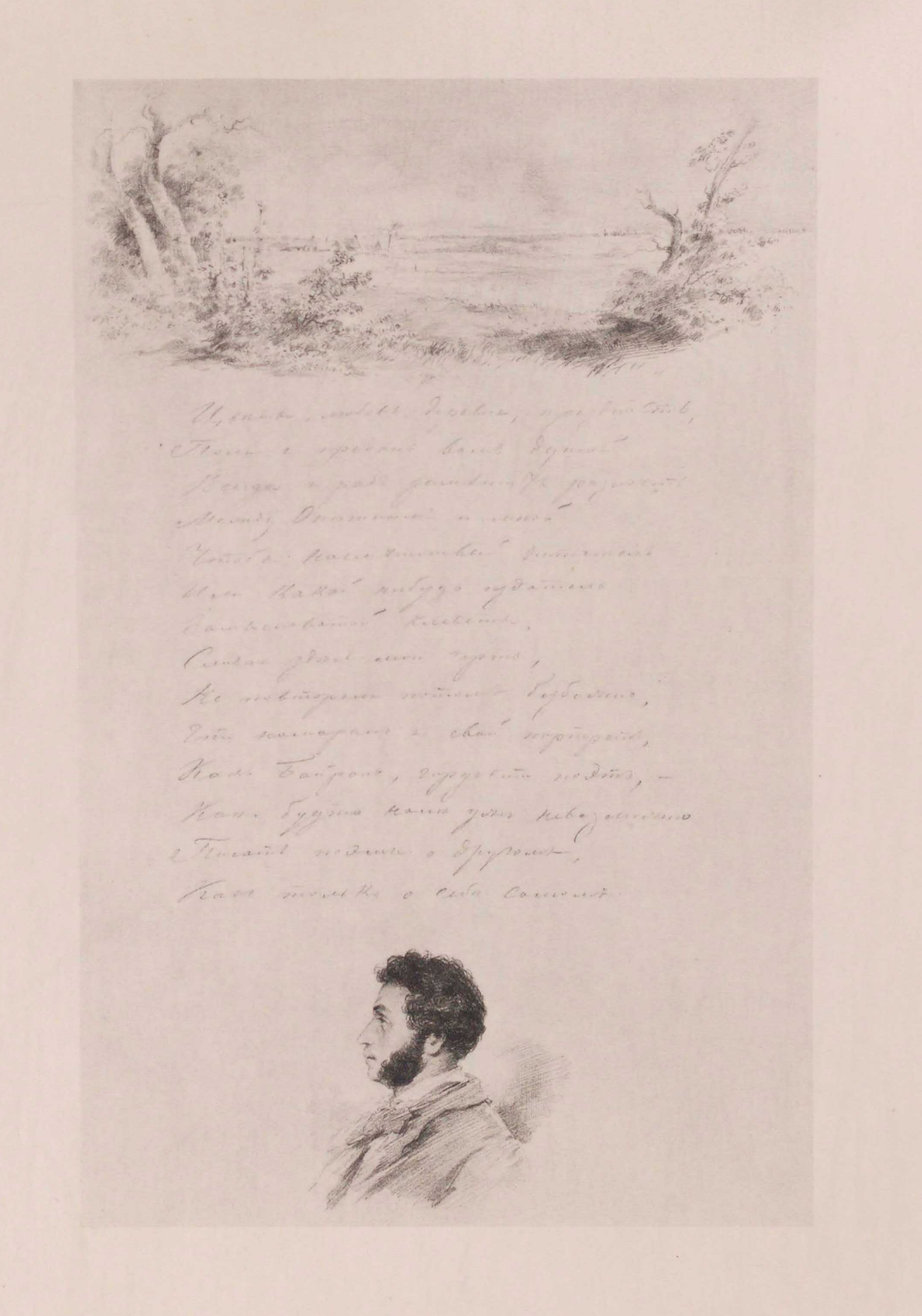
Во дни веселiй и желанiй
Я былъ отъ баловъ безъ ума:

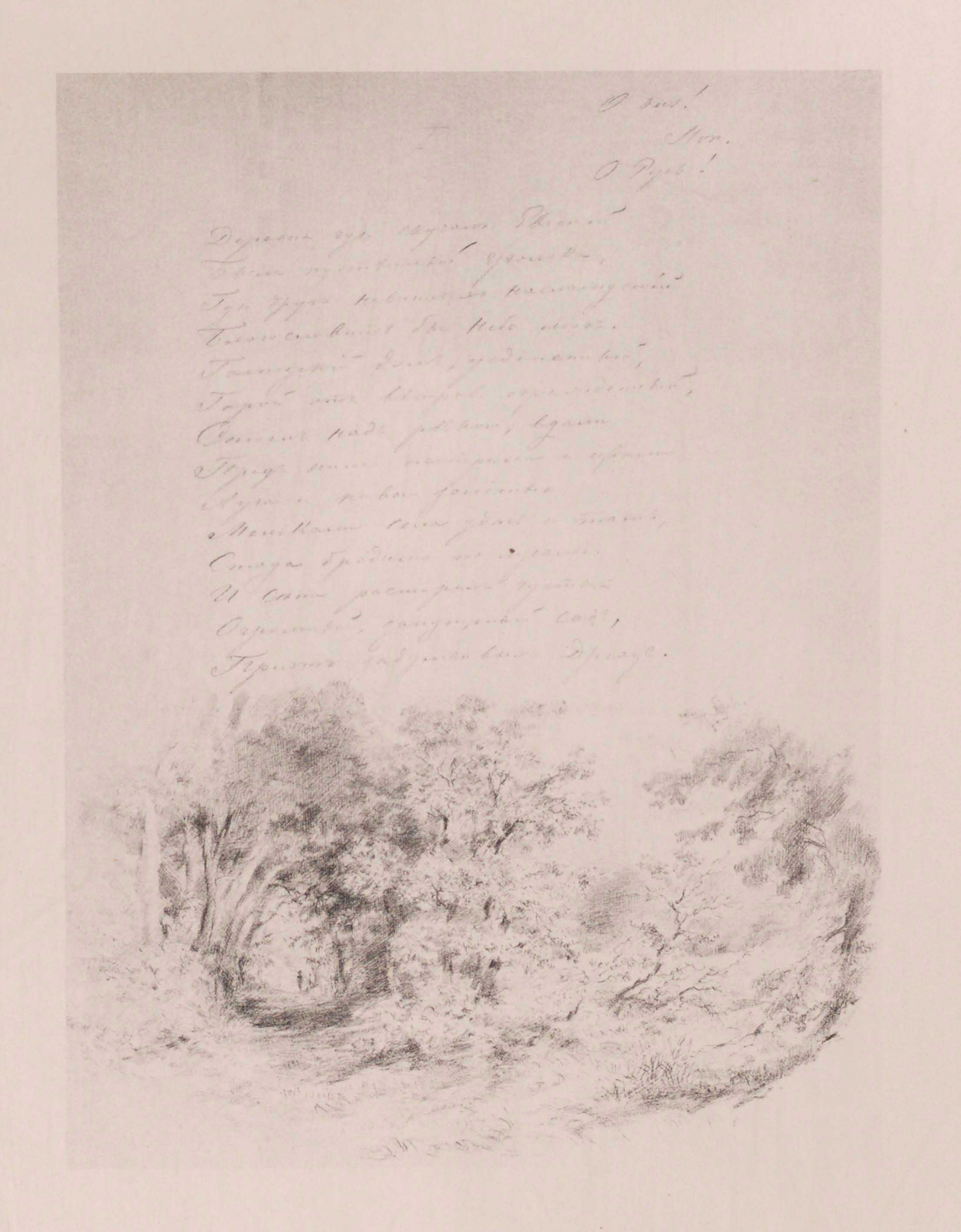
Ахъ долго я забыть не могъ
Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлый,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешнія цвѣты?
Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ я забывалъ
И жажду славы, и похвалъ,
И край отцовъ и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ —
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ.

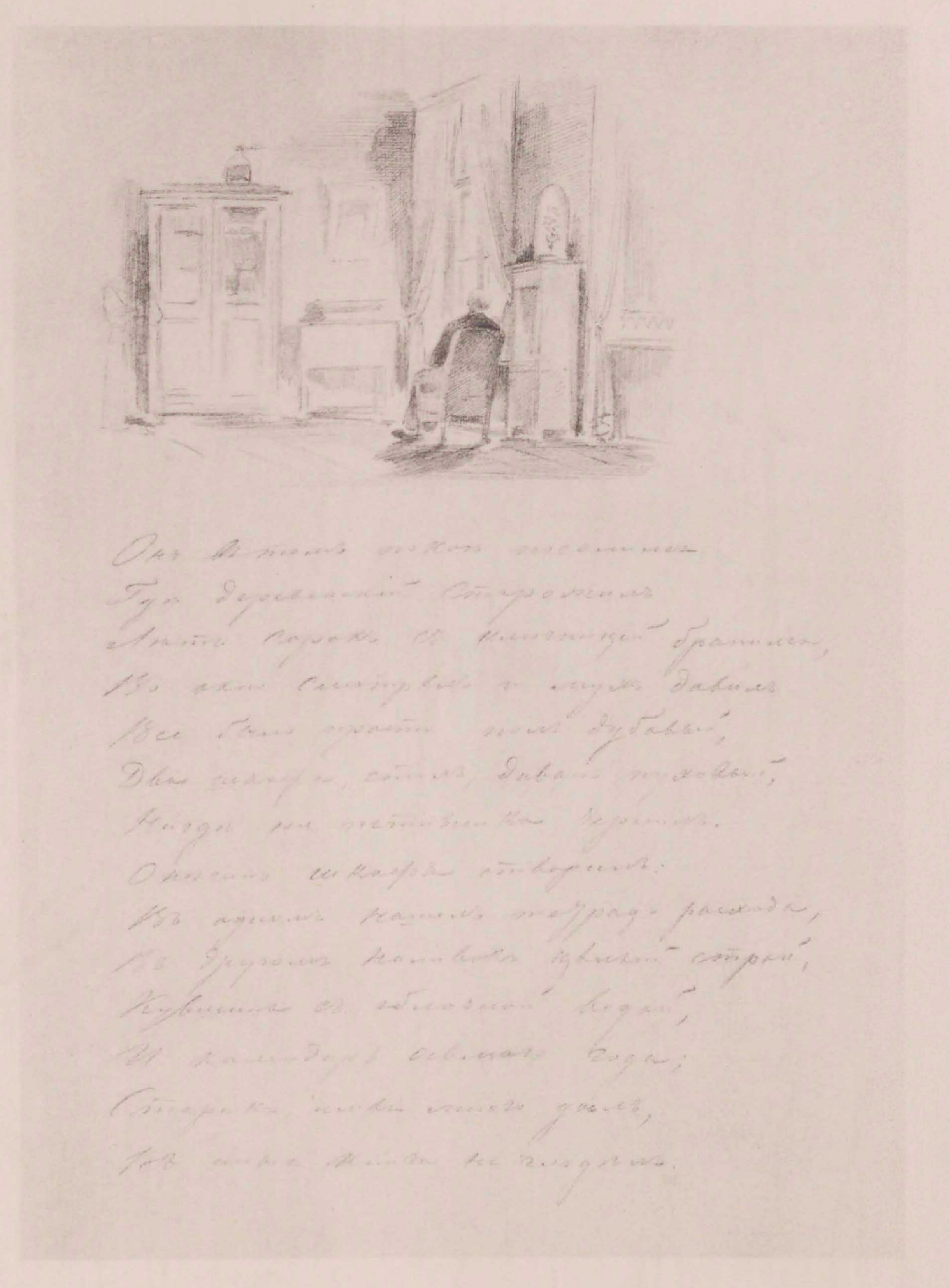

А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разносчикъ,
На биржу тянется извощикъ,
Съ кувшиномъ Охтенка спешитъ,
Подъ ней снегъ утренній скрыпитъ.
Проснулся утра шумъ пріятный!
Открыты ставни, трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлебникъ, немецъ акуратный,
Въ бумажномъ колпаке не разъ
Ужъ отворялъ свой васисдасъ.

Адріатическія волны
О, Брента! нѣтъ увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ.
Онъ святъ для внуковъ Аполлона,
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ;
Съ Венеціянкой молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ, —
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт, —
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

O rus!
Hor.
О Русь!
Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок,
Где друг невинных наслаждений
Благословить бы Небо мог.
Господский дом, уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкой; вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы здесь и там,
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.

-10-

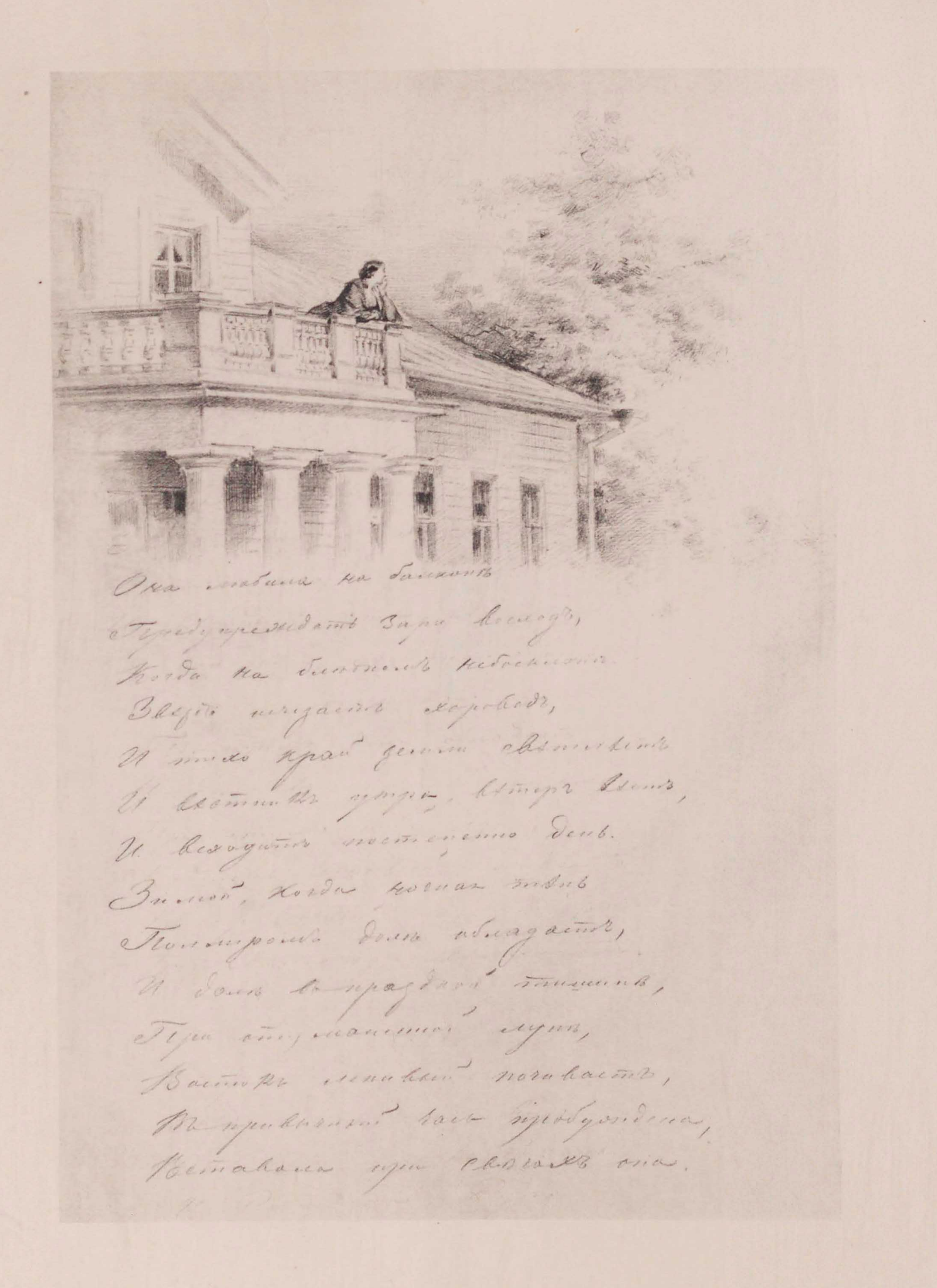
Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмаго года;
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
По имени Владиміръ Ленской,
Съ душою прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкой и довольно странной,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда,

Уединясь отъ всѣхъ далеко
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою

Глаза как небо голубые
Улыбка, локоны льняные
Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон.
Простите, игры золотые!

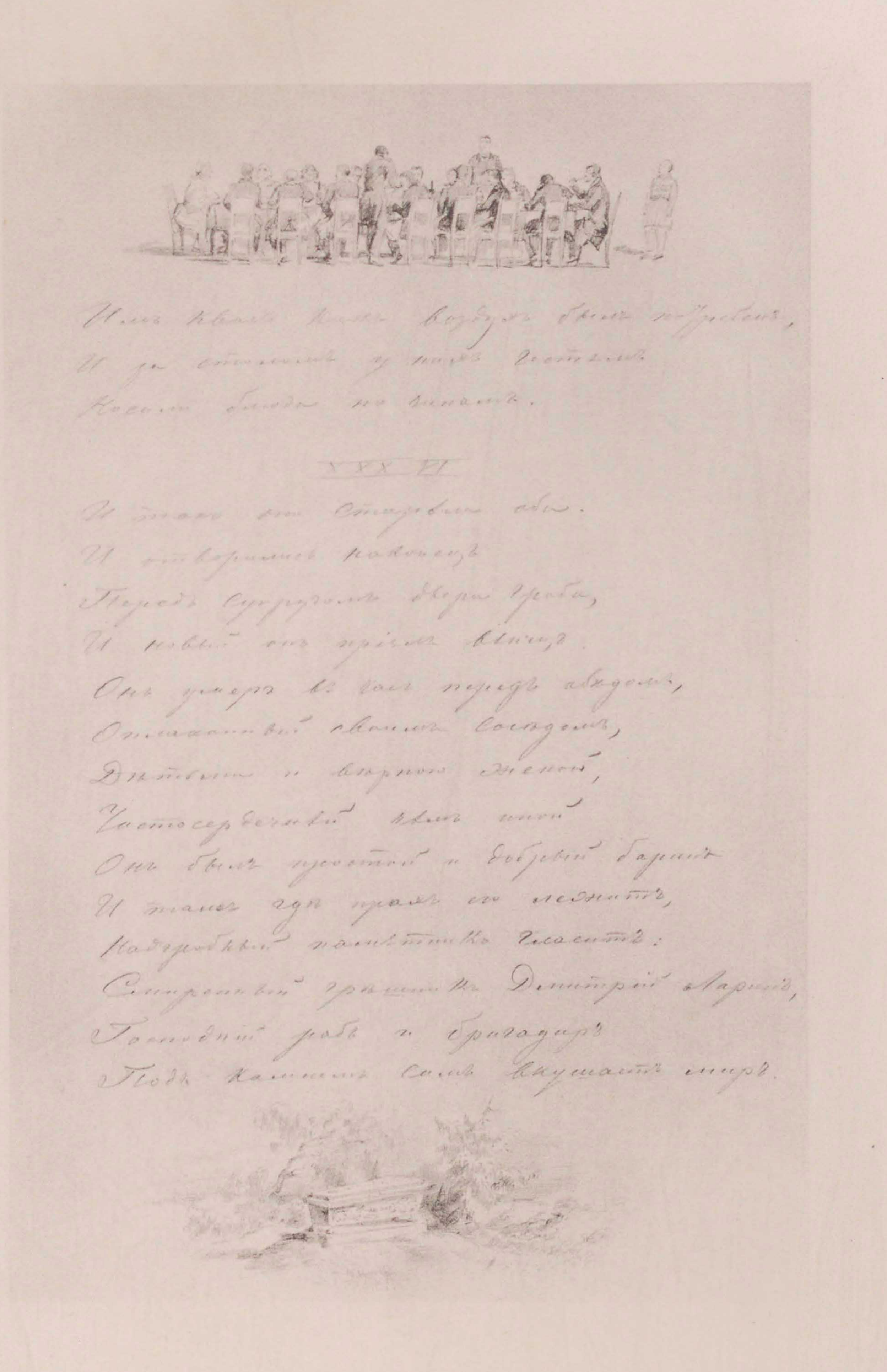

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда,
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой;

Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.
Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но въ старину, Княжна Алина,
Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.

Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила на распѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русской Н какъ N французскій
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла — стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафрокъ и чепецъ.

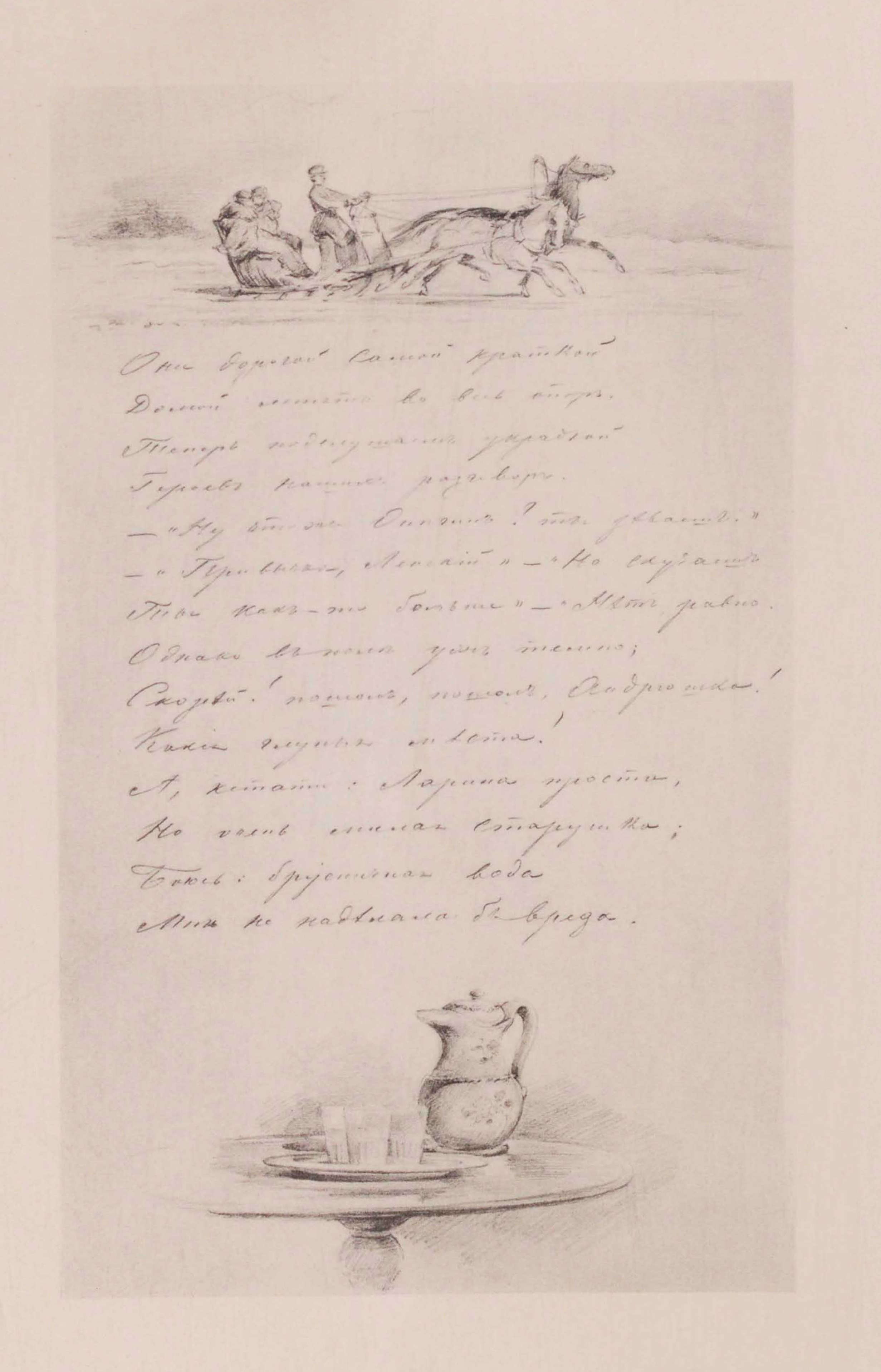
Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ,

Имъ квасъ какъ воздухъ былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI

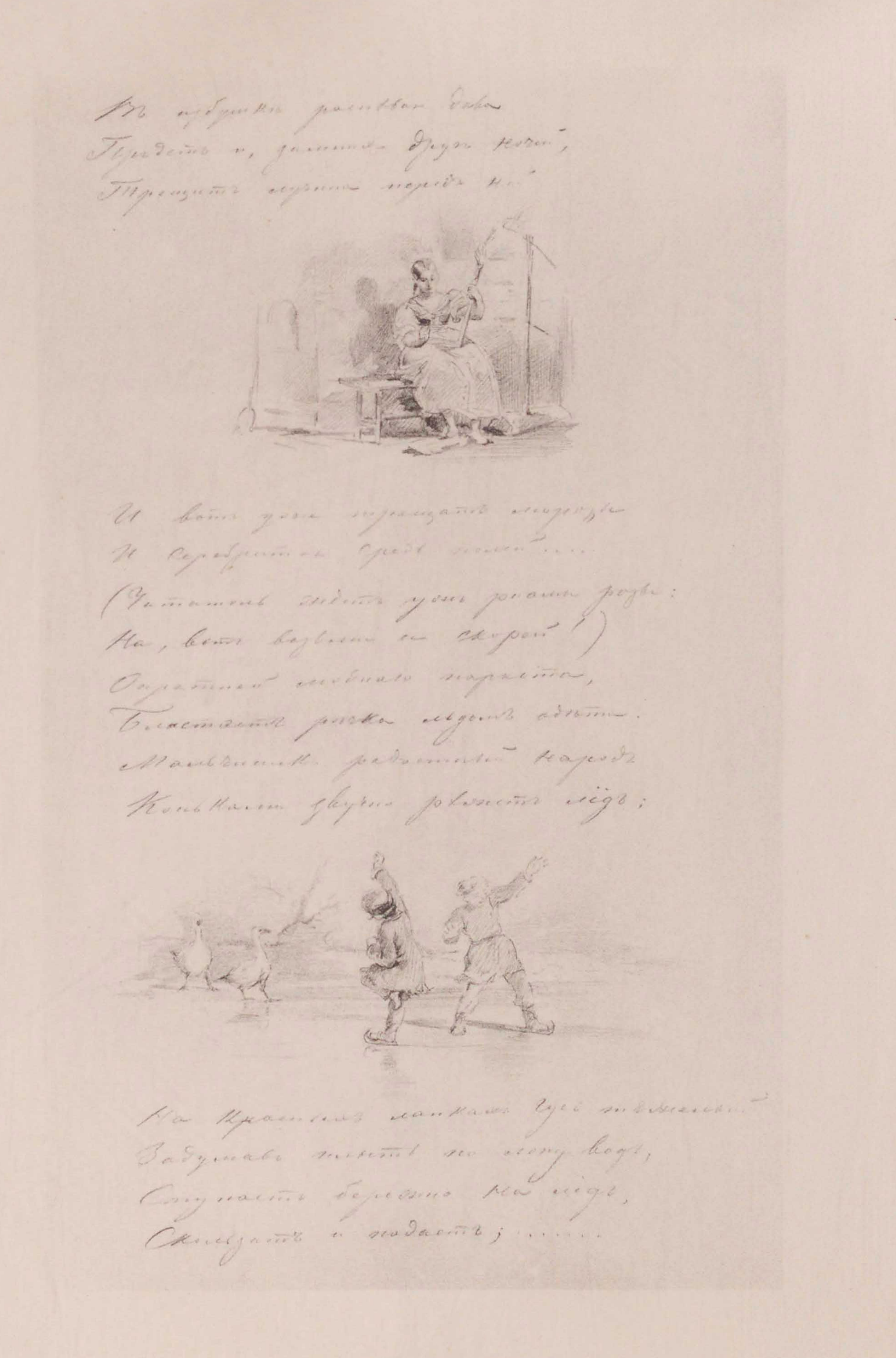
И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ,
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ.
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— «Ну что же, Онегинъ? ты зеваешь.»
— «Привычка, Ленской.» — «Но скучаешь
Ты какъ-то больше» — «Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
Какiя глупыя мѣста!
А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бъ вреда.

Татьяна предъ окномъ стояла,
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель: О да Е.

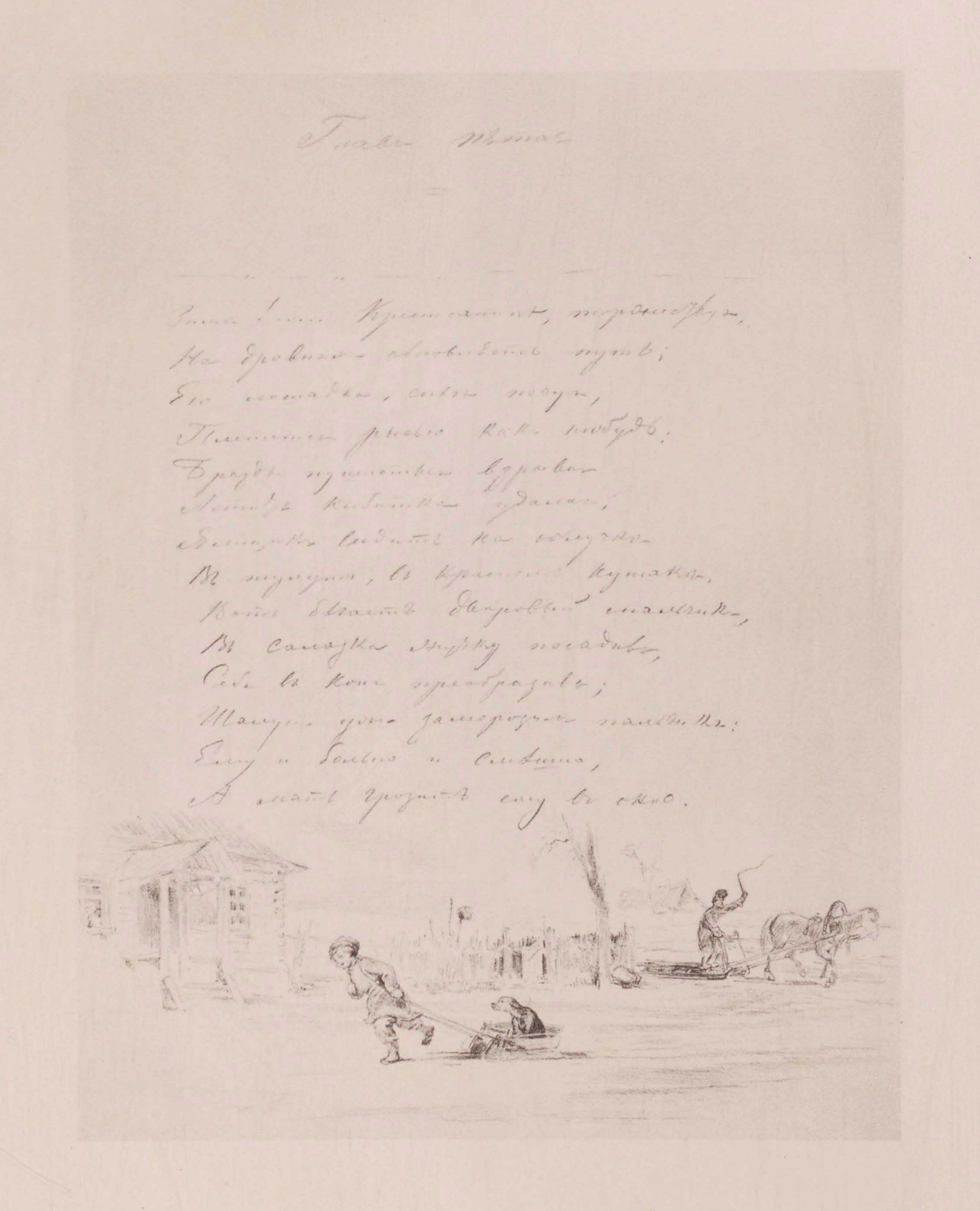
И между тѣмъ душа въ ней ныла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ!... кровь ея застыла.
Вотъ ближе! скачутъ,... и на дворъ
Евгеній! «Ахъ!» — и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни

Въ избушкѣ распѣвая дѣва
Прядетъ и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.

И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей....
(Читатель ждетъ ужъ рифмы розы:
На, вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаетъ рѣчка льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ лёдъ;

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на лёдъ,
Скользитъ и падаетъ; ......

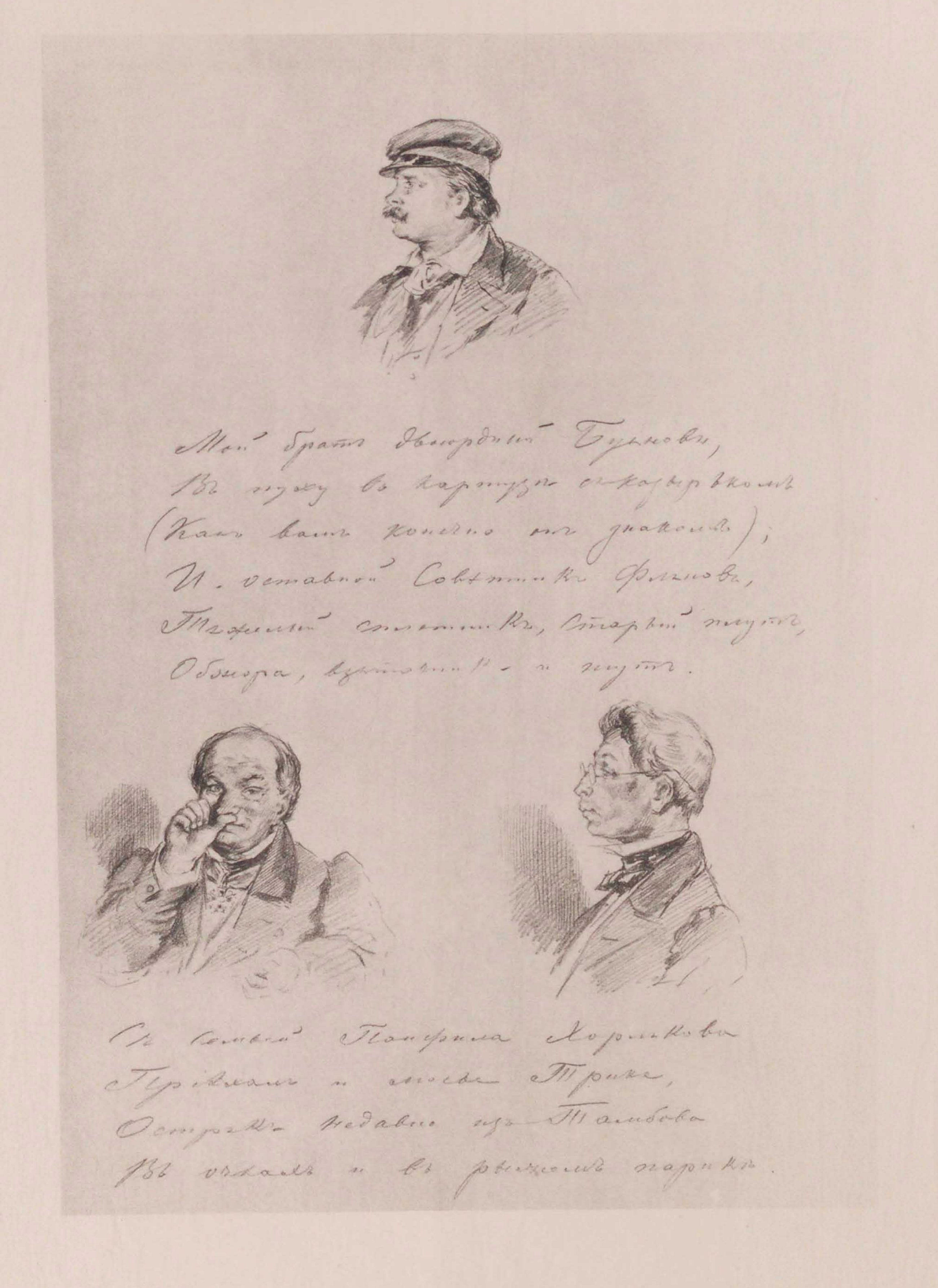
Глава пятая

Зима!.. Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно.

Татьяна поясокъ шелковой
Сняла. Надъ ней вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

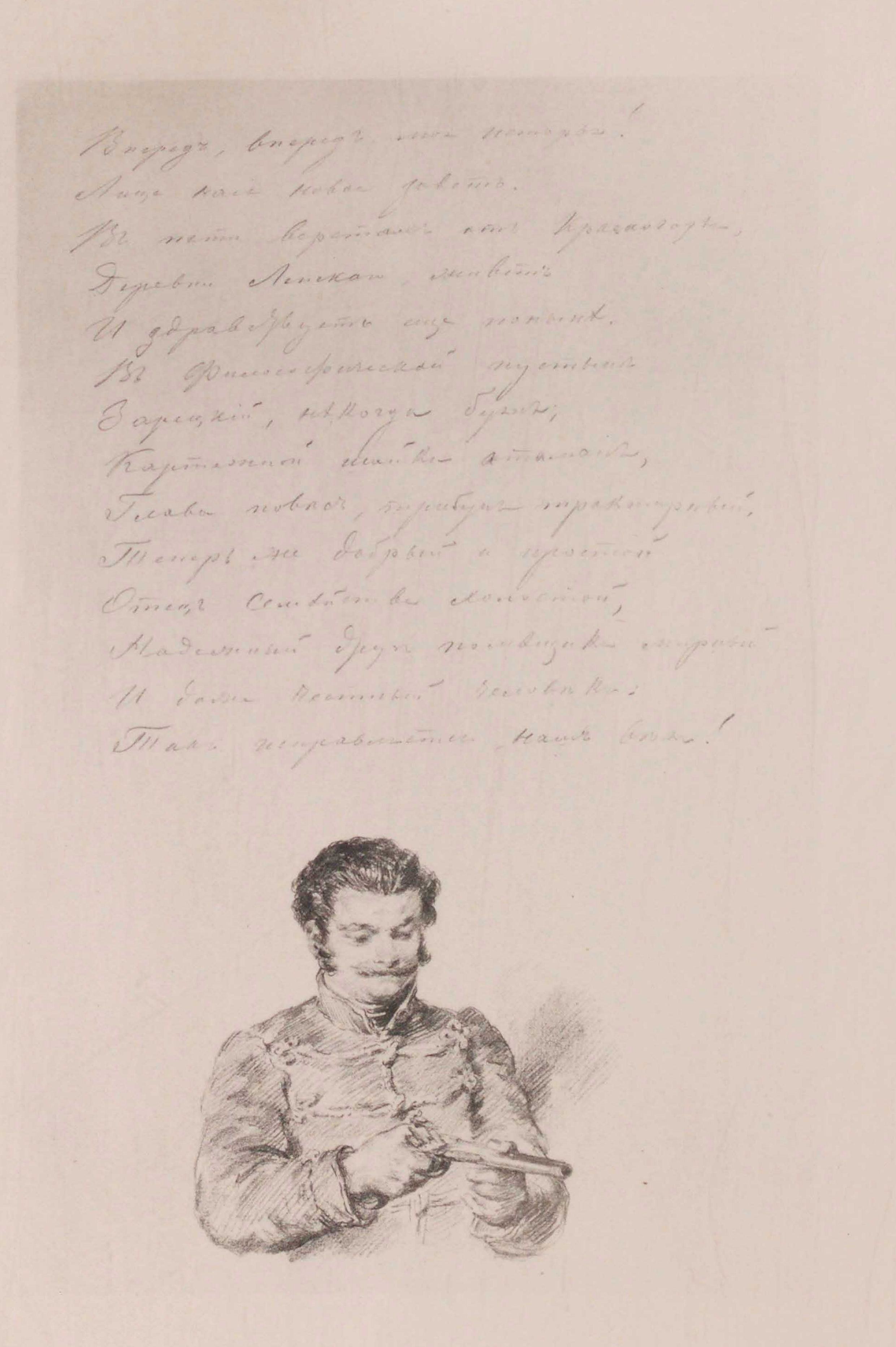
И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, нескованный зимой;

Еще страшнѣе, еще чуднѣе;
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ,
Вертится въ красномъ колпакѣ.

Мой братъ двоюродный Буяновъ,
Въ пуху въ картузѣ съ козырькомъ
(Какъ вамъ конечно онъ знакомъ);
И отставной Совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ — и шутъ.
Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике,
Острякъ недавно изъ Тамбова
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.

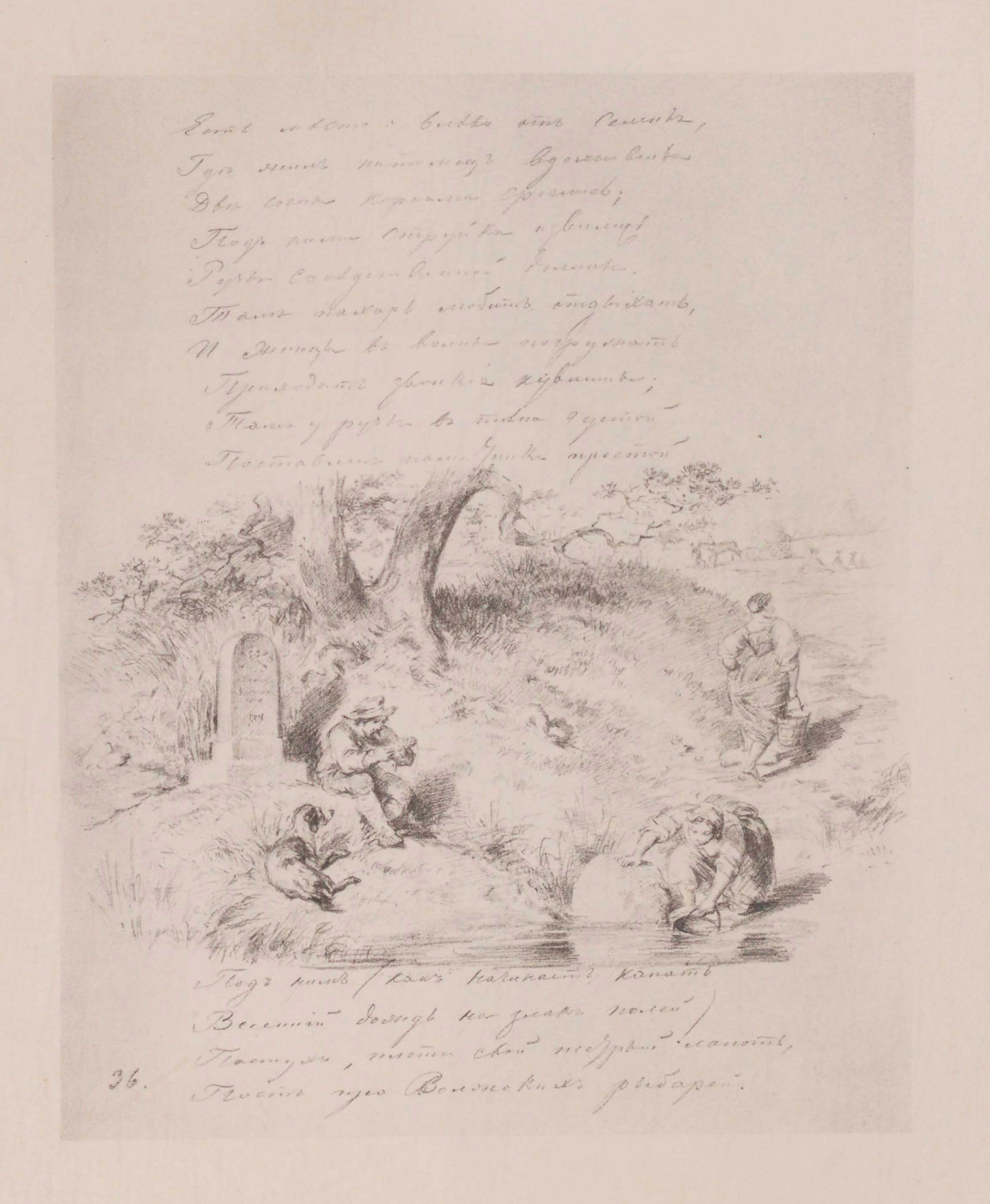

Балъ у Лариныхъ.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
Лицо насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донынѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

Дуэль Онегина с Ленским. XXXI

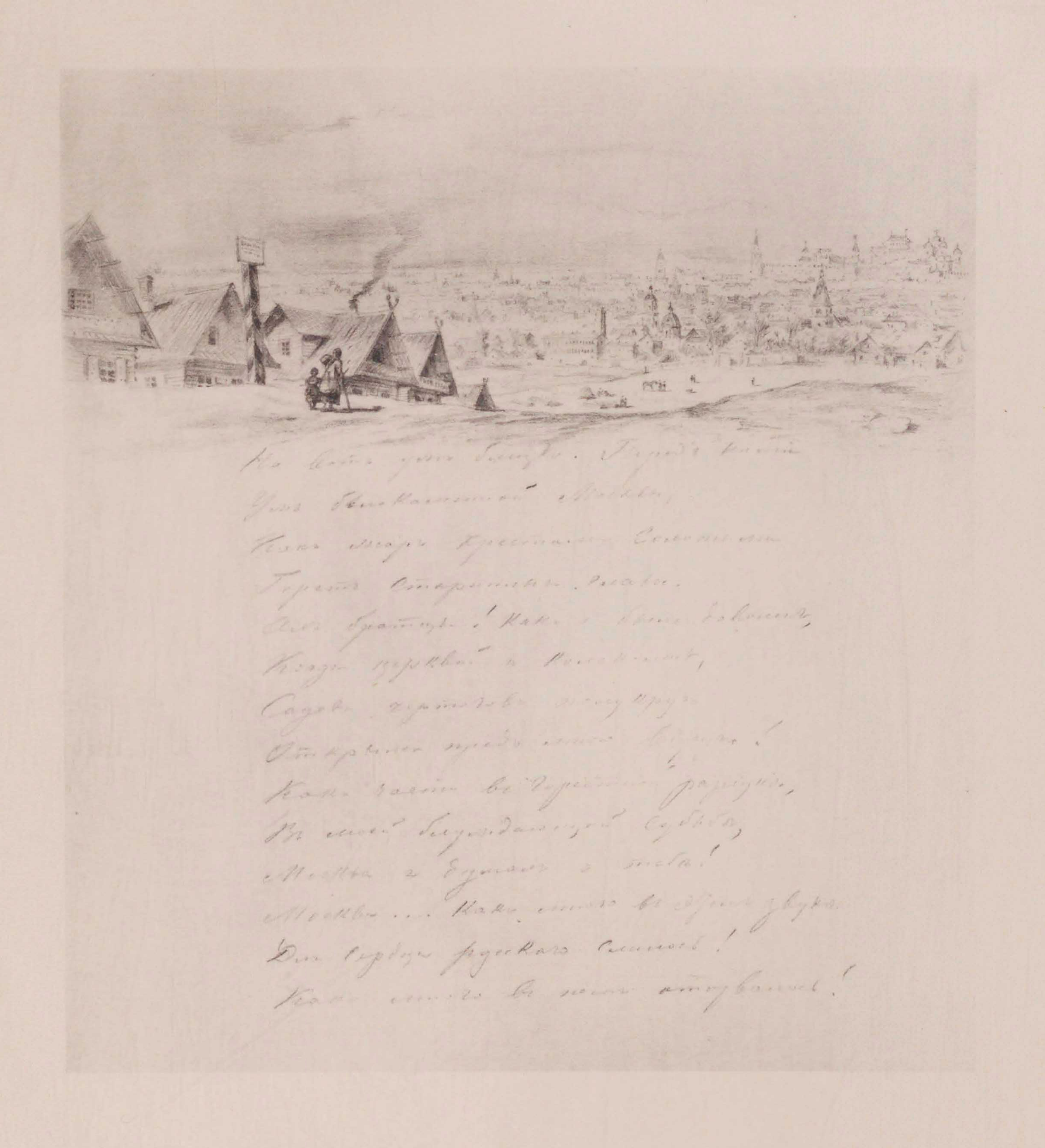

Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любитъ отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;
Тамъ у ручья въ тѣни густой
Поставленъ памятникъ простой.
Подъ нимъ (какъ начинаетъ капать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапоть,
Поётъ про Волжскихъ рыбарей.
36.

И выходитъ на пустынный дворъ.
Къ ней мои кинулись бойко
На крикъ испуганный ея
Ребята дворовой семьи
Сбежались шумно. И безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

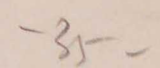
Приготовленіе къ отъѣзду въ Москву.

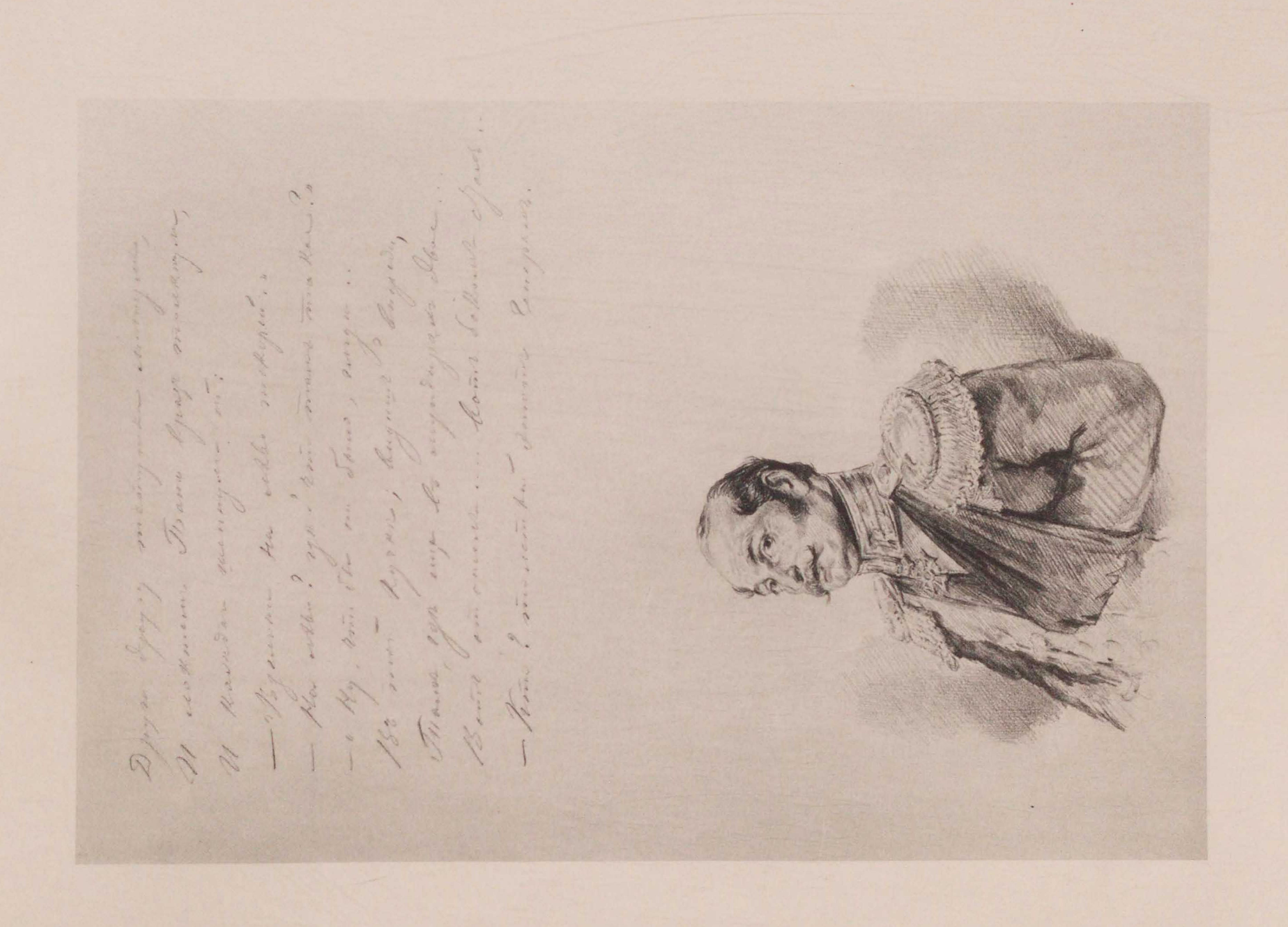
Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! Как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мной вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва.... Как много в этом звуке
Для сердца русскаго слилось!
Как много в нем отозвалось!

Имъ настежь отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой калмыкъ.

-35-

2007057737